

Духовная библиотека

Преподобный

Авва Дорофей



Дом души



По творениям

преподобного
Аввы Дорофея

ДОМ ДУШИ



Православное братство
святого апостола Иоанна Богослова
Москва · 2010

УДК 276 ИС 10-10-0776
ББК 86.372
А18



**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

Дом души.
А18 Составлено по творениям преподобного Аввы Дорофея. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. – 64 с. – (Серия «Духовная библиотека»).

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-89424-001-5



Преподобный
Авва Дорофей

Авва Дорофей (в русских святцах Дорофей Палестинский) подвизался в конце VI и начале VII вв. в обители аввы Серида, где долгие годы был келейником Иоанна Пророка, сподвижника Варсонофия Великого.

До прихода в монастырь Дорофей кропотливо изучал светские науки, причём началось это с мучительного отвращения к учёбе. «Но когда стал я принуждать себя, – пишет преподобный, – то Бог помог мне, и я так привык, что не знал, что ел, что пил,

как спал – от радости, ощущаемой при чтении».

Одним из первых его послушаний в монастыре был приём странников, к которым он был неизменно внимателен. Ему приходилось беседовать с людьми разного положения, несшими всевозможные тяготы, боримыми разнообразными искушениями. Сам святой авва так описывал своё послушание: «В то время я только что встал от тяжкой болезни. И вот приходят странники вечером – и я провожу с ними вечер, а затем погонщики верблюдов – и им я приготовляю нужное; много раз случалось, что когда отходил я спать, возникала ещё какая-либо нужда, и меня будили, а затем наставал час бдения...» Чтобы бороться со сном, преподобный Дорофей просил одного брата будить его к службе, а другого не позволять дремать во время бдения.

Авва Дорофей знаменит своим литературным наследием: до нас дошло двадцать одно его поучение, десять посланий и запись ответов старцев Варсонофия Великого и Иоанна Пророка на вопросы.

Творения аввы Дорофея находились во всех монастырских библиотеках Руси и непрестанно переписывались, так что с древнейших времён его книга «Душеполезные поучения» была одной из самых распространённых.

На страницах поучений ощутима личность преподобного Дорофея, которого современник охарактеризовал так: «К подвизавшейся с ним братии он относился со стыдливостью, смирением и приветливо, без гордости и дерзости; ему были свойственны добродушие и простота, он уступал в споре – а ведь это основы благоговения, доброжелательства и того, что слаще мёда – единодушия, матери всех добродетелей». Вот характерные примеры его писаний, исполненных глубокого человеколюбия и знания человеческих немощей:

Если мы, будучи немощными, не можем трудиться, то постараемся смириться; и за малое, совершаемое нами со смирением, будем и мы разделять участь святых, много потрудившихся и работавших Богу.

Не требуй любви от ближнего, ибо требующий её смущается, если её не встретит; но лучше ты сам окажи любовь ближнему — и успокоишься, и таким образом приведёшь и ближнего к любви.

После кончины преподобного Иоанна Пророка преподобный Дорофей оставил монастырь аввы Серида и основал другую обитель, иноков которой окормлял до самой своей кончины, последовавшей в 620 году. Память его совершается 5/18 июня.





ДОМ ДУШИ

О СОВЕСТИ

Когда Бог сотворил человека, то Он вселил в него нечто Божественное, как бы некоторый помысел, имеющий в себе, подобно искре, и свет и теплоту; помысел, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое. Это называется совестью, а она есть естественный закон.

Хранение совести разнообразно, ибо человек должен сохранять её в отношении к Богу, к ближнему и к вещам.

В отношении к Богу поступает по совести тот, кто не пренебрегает Его заповедями – даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас; он слушает совесть свою к Богу втайне. Например, обленился ли человек в молитве или страстный помысел вошёл в сердце его, а он не воспротивился ему и не сдержал себя, но принял этот помысел; также если кто-то, видя ближнего, как обыкновенно случается, осудил его – короче сказать, всё недоброе, что бывает втайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы сознавать как грех и каяться; и это-то и есть хранение совести в отношении к Богу.

Хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего, делом или словом, или видом, или взглядом: ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взглядом можно оскорбить брата.

Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать её как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не нужно прене-

брегать им, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на своё место. Также и в пище: иной может удовлетворить свою потребность малым количеством овощей, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей, – это всё против совести.

Только каждый об этом говори себе, а не пеняй ближнему, не зная его потребности в пище.

О СВЯТЫХ ЗАПОВЕДЯХ

Бог, зная немощь нашу и предвидя, что мы и после святого крещения будем согрешать, как сказано в Писании, что *помышление сердца человека – зло от юности его* (Быт. 8, 21), дал нам по благости Своей святые заповеди, очищающие нас, чтобы мы, если пожелаем, могли опять соблюдением заповедей очиститься не только от грехов наших, но и от самих страстей.

Через сокрушение сердечное человек делается послушным заповедям, освобождается от зла, приобретает добродетели, и притом душа его находит покой.

СОЗИДАНИЕ ДОМА ДУШИ

Страх Божий побуждает душу к исполнению заповедей, и посредством заповедей созидается дом душевный.

Кто хочет построить такой дом, тот должен отовсюду укрепить его и с четырёх сторон возводить стену, а не об одной только стороне заботиться, другие же оставить в небрежении, потому что иначе он не получит никакой пользы, но понапрасну утратит всё: и намерение, и издержки, и труд.

Сперва должно быть положено основание, то есть вера: *без веры*, как говорит апостол, *угодить Богу невозможно* (Евр. 11, 6), и потом на этом основании человек должен строить здание равномерно: случилось ли послушание – он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата – должен положить один камень терпения; представился ли случай к воздержанию – должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, нужно класть в здание по одному камню и таким образом

возводить его со всех сторон, вкладывая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости, и так далее. И при всём том нужно позаботиться о терпении и мужестве, ибо они – краеугольные камни, ими скрепляется здание и соединяются стена со стеною. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Ибо если человек не имеет мужества в душе, то не будет иметь и терпения, а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может совершить. Поэтому и сказано: *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19).

Строящий должен также на каждый камень класть известь, ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь – это смирение. И всякая добродетель, совершаемая без смирения – не добродетель. Итак, каждый должен всё, что он делает доброго, делать со смирением, чтобы смирением сохранить сделанное.

Дом должен иметь и так называемые связи, а именно рассуждение: оно укрепляет строение, соединяет камень с камнем и свя-

зывает стены, а вместе с тем придаёт дому и красоту. Кровля же – это любовь, которая есть верх добродетелей так же, как кровля – верх дома. Потом, после кровли, – перила вокруг неё. Что же значат перила вокруг кровли? В Законе написано об этом: если построите дом и сделаете на нём кровлю, то сделайте по краям кровли перила, чтобы дети ваши не падали с неё (см. Втор. 22, 8). Перила – это смирение, потому что они ограждают и охраняют все добродетели; и как каждая добродетель должна быть соединена со смирением (подобно тому, как мы сказали, что на каждый камень кладётся известь), так и для совершенства добродетели нужно смирение, ибо и святые, возрастая духом, естественным образом приходят в смирение, и чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным. Что же такое дети, о которых сказал Закон, чтобы они не падали с кровли? Дети – это помышления, бывающие в душе, которые следует хранить смирением же, чтобы они не упали с кровли здания.

Вот дом окончен, имеет связи, имеет кровлю, о которой мы сказали, что она – со-

вершенство добродетелей; вот и окружающие её перила – и, одним словом, дом готов. Но не нужно ли ему ещё что-нибудь? Да, мы не упомянули ещё об одном. Что же это такое? Вот что: необходимо, чтобы зодчий был искусен, – ибо если он неискусен, то он покривит немного стену, и дом когда-нибудь обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели; ибо случается, что иной и несёт труд добродетели, но оттого, что неразумно совершает этот труд, он сам постоянно портит дело и не может окончить его, но строит и разрушает, и кладёт один камень и снимает его, иногда же кладёт один и снимает два. Каждую добродетель человек должен совершать так разумно, чтобы усвоить её и обратить в навык, и такой оказывается, как мы сказали, искусным художником, зодчим, могущим прочно строить свой дом.

О ПОМОЩИ БОЖИЕЙ

Ничто не совершается без помощи Божией: непременно нужны и наше старание, и помощь Божия. Поэтому че-

ловек всегда должен молиться Богу и просить Его помощи во всяком деле.

Иногда человек находит покой и сверх своей потребности, а иногда не получает и необходимого, поскольку Бог как Милостивый каждому подаёт то, что ему нужно. Но бывает, что Он посылает человеку более нужного ему и этим показывает избыток человеколюбия Своего и научает его благодарению; когда же не посылает ему и нужного, то словом Своим заменяет действие той вещи, в которой человек нуждается, и научает его терпению, как сказано: *Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4).

О ДОБРЕ

Не всякий, делающий что-либо благое, делает это так, как благоугодно Богу. И скажу вам, как это бывает. Случается, что кто-нибудь находит сироту убогую и красивую собою; она нравится ему по красоте своей, и он берёт её и воспитывает как сироту убогую, но вместе с тем и как краси-

вую собою. Вот это и воля Божия *благая*, но не *благоугодная*. А *благоугодная* та, когда человек творит дело милосердия не по какому-нибудь побуждению человеческому, но ради самого добра, из одного сострадания, – вот это благоугодно Богу.

Тремя образами можем мы делать доброе: или делаем доброе, боясь мучений, и тогда мы Богу как рабы-невольники; или для того, чтобы получить награду, и тогда мы по отношению к Нему как наёмники; или делаем добро ради самого добра – и тогда мы Богу сыновья, ибо любящий сын исполняет волю отца не из страха и не потому, что хочет получить от него награду, но по любви, желая угодить ему, почтить и успокоить его.

О ДУШЕВНОМ УСТРОЕНИИ

Каждый получает вред или пользу от своего душевного устроения, и никто другой не может повредить ему: если мы и получаем вред, то он происходит от устроения души нашей, ибо мы можем от вся-

кого дела, если захотим, получить и пользу и вред. И скажу вам пример, чтобы вы узнали, что это действительно так. Положим, что кому-нибудь случилось стоять ночью в городе у дороги. И вот мимо него идут три человека. Один из них думает о нём, что он ждёт кого-нибудь, чтобы пойти и предаться блуду; другой думает, что он вор; а третий думает, что он ждёт около дома своего друга, чтобы вместе с ним пойти в церковь помолиться. Итак, трое видели одного и того же человека на одном и том же месте, однако подумали о нём разное, и очевидно, что каждый сообразно со своим устроением. Ибо как тело человека при некоторых болезнях действует даже на полезную пищу и изменяет её сообразно со своею недоброкачественностью, – так и душа, имеющая недобрый навык, получает вред от каждой вещи, хотя бы вещь эта была полезная.

Всякое дело, которое вы делаете, велико ли оно или мало, есть восьмая часть искомого; а сохранить своё устроение, если и случится от этого не исполнить дела, – это три четвёртых с половиной. Если же для

исполнения дела нужно отступить от заповеди и повредить себе или другому, споря с ним, то не нужно терять три четвёртых с половиной для того, чтобы сохранить одну восьмую.

Какая милость более той, чтобы помиловать душу? И поскольку душа драгоценнее тела, то и милость, оказанная душе, больше оказанной телу.

Кто боится Бога и молится Ему, тот должен и приносить пользу ближнему и делать ему добро, ибо это и есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей.

О ГРЕХАХ И СТРАСТЯХ

Страсти – это одно, грехи – иное. Страсти таковы: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злое желание и тому подобное. Грехи же – это сами действия страстей, когда человек приводит их в исполнение на деле, то есть совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним.

Не следует желать избавиться от страсти для того, чтобы избежать происходящей от неё скорби, но причиной такого желания должна быть совершенная ненависть к самой страсти, как сказано: *полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138, 22).

Признаком того, что кто-либо добровольно исполняет дела страсти, служит его смущение в то время, когда его обличают или исправляют в ней. А если человек без смущения переносит обличение или вразумление, то это признак того, что он был побеждён страстью или исполнил её по неведению.

Мы избавились от ада человеколюбием Христовым, и от нас зависит идти в рай, ибо враг уже не насилует нас, как прежде, и не содержит нас в рабстве; только позаботимся о себе, братия, и сохраним себя от действительного греха. Всякий грех, исполненный на деле, опять порабощает нас лукавому врагу, поскольку мы сами добровольно низлагаем себя и порабощаем ему. Не стыд ли это и не великое ли бедствие, если мы после того как Христос избавил нас от ада Своею кровью и после того как мы это узнали,

опять пойдём и ввергнем себя в ад? Не достойны ли мы в таком случае ещё сильнейшего и жесточайшего мучения?

Не желай знать пороков ближнего твоего и не принимай подозрений, внушаемых тебе на него врагом; если же они и возникают в тебе, по греховности твоей, то старайся обращать их в добрые помышления. Благодари за всё и старайся обрести доброту и святую любовь. Прежде всего будем все хранить совесть нашу во всём: в отношении к Богу, ближнему и к вещам, и прежде чем скажем или сделаем что-нибудь, испытаем, согласно ли это с волею Божией; и тогда, помолившись, скажем или сделаем это и исповедуем немощь нашу перед Богом, и благость Его поможет нам во всём.

О СТРАСТЯХ И ДОБРОДЕТЕЛЯХ

Добродетели – это середина между излишеством и недостатком: так, мужество находится между страхом и наглостью, смиренномудрие – между гордостью и человекоугодием, также и благоговение –

середина меж стыдом и бесстыдством; подобно тому и прочие добродетели.

Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть что-либо существующее и не имеет никакого состава. Нет, но душа, уклонившись от добродетели, делается страстною и рождает грех, потому и томится им, не находя в нём для себя естественного успокоения. Душа сама производит зло, которое прежде вовсе не существовало и не имеет, как я сказал, никакого состава, и опять сама мучится от зла. Зло есть недуг души, лишившейся свойственного ей здорового состояния добродетели.

Есть три устроения души в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет её. Действует по страсти тот, кто приводит её в исполнение, удовлетворяет её. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает её, но, живя благочестиво и поступая благоразумно, как бы минует страсть, однако имеет её в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и делает противоположное страсти.

Старайтесь отсекать страсти прежде, нежели они обратятся в навык.

Поистине тяжкое дело – действовать по страсти и не сопротивляться ей.

Вникайте умом вашим в свойство вещей и берегитесь, чтобы не впасть в беспечность, ибо и малое нерадение подвергает нас великим опасностям.

Врач душ есть Христос, Который всё знает и против каждой страсти подаёт соответствующее средство: так, против тщеславия дал Он заповеди о смиренномудрии, против сластолюбия – заповеди о воздержании, против сребролюбия – заповеди о милостыне и, одним словом, каждая страсть побеждается исполнением соответствующей заповеди.

Ничто не препятствует душевному здоровью, кроме безудержности души.

Страсти, пока они малы, то, если мы пожелаем, легко можем избавиться от них; если же не будем бороться с ними, пока они малы, то они укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего требуют от нас труда; а когда очень укрепятся в нас, тогда даже и с трудом мы не можем сами исторгнуть их из себя, если не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Боге.

Человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер он должен испытывать себя, как он провёл день, и опять утром – как провёл ночь, и каяться перед Богом, в чём ему случилось согрешить.

Если кто увлекается страстью, то он будет рабом страсти.

Чем более мы делаем доброго, тем больший приобретаем навык в добродетели, то есть возвращаем себе своё природное свойство и восходим к прежнему своему здравию, как от бельма к своему прежнему зрению или от иной какой-либо болезни к своему прежнему природному здоровью. В отношении же порока бывает не так, но через привычку к нему мы принимаем некоторый чуждый и противный естеству навык, то есть приходим в навык некоего губительного недуга, так что если даже и пожелаем, не можем исцелиться без многой помощи, без многих молитв и многих слёз, которые могли бы преклонить к нам милосердие Христово.

Если кто долго пребывает во грехе, то в душе образуется злой навык, который

и мучит её. Однако вы должны знать и то, что душа имеет иногда влечение к какой-либо страсти, и если только один раз впадёт в действие этой страсти, тотчас находится в опасности впасть и в навык.

Если у кого-нибудь хотя бы одна страсть обратилась в навык, то он подлежит муке, и случается, что иной совершает десять добрых дел и имеет один злой навык, и это одно, происходящее от злого навыка, превозмогает десять добрых дел.

Душа, находясь в теле, хотя и ведёт борьбу со страстями, но имеет и некоторое утешение оттого, что человек ест, пьёт, спит, беседует с любезными друзьями своими. Когда же душа выйдет из тела, то остаётся одна со страстями своими и потому непрерывно мучится ими; поглощённая ими, она обжигается их пламенем и терзается ими так, что даже не может вспомнить Бога, ибо сама память о Боге утешает душу.

Хотите ли, я объясню вам примером то, что говорю. Пусть кто-нибудь из вас придёт, и я затворю его в тёмную келью, и пускай он хотя бы три дня не ест, не пьёт, не спит,

ни с кем не беседует, не молится и совсем не вспоминает о Боге – и тогда он узнает, что будут в нём делать страсти даже пока он ещё находится здесь. Насколько же более потерпит она, несчастная, по выходе души из тела, когда она будет предана страстям и останется наедине с ними? По здешним скорбям вы можете только отчасти понять, какова тамошняя скорбь.

Страсти неестественны нам, но душа, по сластолюбию уклонившись от добродетелей, водворяет в себе страсти и укрепляет их против себя.

Следует подвизаться против злых навыков и страстей, и не только против страстей, но и против причин их, которые суть корни, ибо когда не исторгнуты корни, то терние непременно опять вырастет, тем более, что некоторые страсти ничего не могут сделать, если человек отсечёт причины их. Так, зависть сама по себе ничто, но имеет некоторые причины, в числе которых есть и славолюбие, ибо кто хочет прославиться, тот завидует прославленному или предпочтённому. Гнев тоже происходит от различных причин

и особенно от сластолюбия. И все отцы говорят, что каждая страсть рождается от этих трёх: от славолюбия, сребролюбия и сластолюбия.

Невозможно душе пребывать в одном и том же состоянии, но она всегда преуспевает или в лучшем, или в худшем. Поэтому каждый желающий спастись должен не только не делать зла, но обязан делать и добро. Например, если кто-нибудь привык обижать, то он должен не только не обижать, но и поступать по правде; если он был блудник, то он должен не только не предаваться блуду, но и быть воздержным; если был гневлив, должен не только не гневаться, но и приобрести кротость; если кто гордился, то он должен не только не гордиться, но и смиряться. Это и означает: *уклоняйся от зла и делай добро* (1 Пет. 3,11). Ибо каждая страсть имеет противоположную ей добродетель: гордость – смиренномудрие, сребролюбие – милосердие, блуд – воздержание, малодушие – терпение, гнев – кротость, ненависть – любовь.

Бог есть источник премудрости, знает всё, что нам полезно, и сообразно с этим

устраивает всё, касающееся нас, даже и самое маловажное.

О БОГООСТАВЛЕННОСТИ

Бог оставляет человека тогда, когда он сделает что-либо против своего устроения, например, если человек был благоговеен и уклонится в бесчинную жизнь; или был смирен, и сделается наглым. И не столько оставляет Бог проводящего порочную жизнь, когда он живет бесчинно, или наглого, когда он гордится, сколько Он оставляет благоговейного, когда этот делает бесчиние, и смиренного, когда он возгордится: это и значит грешить против своего устроения, и от того происходит оставление.

О БЕСЧУВСТВИИ ДУШИ

При бесчувствии души полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов богоносных отцов, памятование о Страшном суде Божием, об исходе души из тела и о страшных силах, кото-

рые её встретят и с соучастием которых она делала зло в быстротекущей земной жизни. Также полезно вспоминать о том, что мы должны будем предстать пред Страшным и праведным судилищем Христовым, и не только в делах, но и в словах и в помышлениях дать ответ пред Богом, перед всеми ангелами Его и вообще перед всем созданием.

О ГОРДОСТИ И СМИРЕНИИ

Гордость бывает мирская и монашеская. Мирская гордость есть та, когда человек гордится перед братом своим, что он богаче или красивее его, или что носит лучшую одежду, или что он благороднее его.

Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что он упражняется в бдении, в посте, что он благоговеен, правильно живёт и тщателен. Случается также, что иной и смиряется для славы. Всё это относится к монашеской гордости.

Рассмотрим теперь, в чём состоят и два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы считать брата своего разумнее себя

и по всему превосходнее и, одним словом, как сказали святые отцы, чтобы почитать себя ниже всех. Второе же смирение состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги, – это есть совершенное смирение святых. Оно естественно рождается в душе от исполнения заповедей.

Душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется; так и святые: чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными.

Смирение есть дело великое и божественное; путём же к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно; путь к смирению также – считать себя ниже всех и постоянно молиться Богу; само же смирение божественно и непостижимо.

Если мы, будучи немощными, не можем трудиться, то постараемся смириться; и за малое, совершаемое нами со смирением, будем и мы разделять участь святых, много потрудившихся и работавших Богу.

Непрестанно молящийся Богу если и сподобится совершить что-либо доброе, знает, почему он совершил это, и не может возгор-

диться, и не приписывает это своей силе, но все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться такой помощи и не обнаружились бы его немощь и бессилие.

Труд смиряет тело, а когда тело смиряется, то вместе с ним смиряется и душа.

О СМИРЕННОМУДРИИ

Ни страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не могут быть совершены без смиренномудрия.

Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: *прости*, ибо смиренномудрием отражаются все напасти духов злобы.

Возношение рождает пренебрежение, непослушание и погибель, как и смиренномудрие рождает послушание и спасение души. Разумею же истинное смиренномудрие не в словах только, или во внешнем образе смирения, но собственно смиренный залог, утвердившийся в самом сердце.

Не презирать даяния ближнего есть дело смиренномудрия; и следует принимать даяние с благодарностью, даже если оно и мало и незначительно.

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Не требуй любви от ближнего, ибо требующий её смущается, если её не встретит; но лучше ты сам окажи любовь ближнему – и успокоишься, и таким образом приведёшь и ближнего к любви.

Ничто так тесно не соединяет людей между собою, как то, когда они сорадуются друг другу в одном и том же и имеют одинаковый образ мыслей.

УКЛОНЯЙСЯ ОТ ЗЛА

Удерживать язык свой от зла – значит не уязвлять чем-либо совесть ближнего, не злословить, не раздражать.

Когда человек уклонится от зла и потом будет стараться с помощью Божией делать благое, тотчас восстают на него брани вра-

жеские, и он подвизается, трудится, сокрушается, не только боясь возвратиться опять на злое, но и надеясь на награду за благое, подобно наёмнику. И таким образом, терпя нападения от лукавого духа, борясь с ним и сопротивляясь ему, он делает благое, но с большою скорбью, с великим трудом. Когда же он получит помощь от Бога и приобретёт некоторый навык в добре, тогда видит он покой, тогда вкушает мир в сердце своём, тогда ощущает, что значит печаль брани с духами злобы, и что – радость мира душевного. И потом уже ищет этого мирного состояния души, усиленно стремится к нему, чтобы достигнуть его, приобрести совершенно и водворить его в себе.

Не делай зла даже и в шутку, ибо случается, что иной сначала шутя делает злое, а после и нехотя им увлекается.

О НАСТАВНИКЕ НА ПУТИ БОЖИЕМ

Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием. Человек, никем не управляе-

мый, сначала всегда имеет усердие к посту, к бдению, послушанию и к другим добрым делам; потом усердие это мало-помалу охладевает, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нём это усердие, подобно листу, нечувствительно иссыхает, падает и становится наконец подвластным и рабом нечистых духов, и они делают с ним, что хотят.

О ЕДИНЕНИИ ДРУГ С ДРУГОМ

По силе своей старайтесь иметь доброе единение друг с другом, ибо чем более кто соединяется с ближним в любви и доброделании, тем более соединяется он с Богом.

И чтобы вам яснее понять силу сказанного, предложу вам сравнение, переданное от отцов. Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить. Предположите, что этот круг – мир, а центр круга – Бог;

радиусы же, то есть прямые линии, идущие от окружности к центру, – это пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются к внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удалён и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним, и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся с Богом. Господь Бог да сподобит нас не только слышать полезное, но и исполнять, ибо по мере того, как мы стараемся и заботимся об исполнении

слышанного, и Бог всегда просвещает нас и научает воле Своей.

О ВОЛЕ БОЖИЕЙ И ВОЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Когда мы держимся своей воли и сами себя оправдываем, тогда, делая как будто бы доброе дело, мы сами себе расставляем сети и даже не знаем, как погибаем. Ибо как можем мы узнать волю Божию и понять её, если верим самим себе и держимся своей воли?

Тогда только человек видит непорочный путь Божий, когда оставит свою волю. Когда же повинуется своей воле, то не видит, что непорочны пути Божии; но если услышит чьё-либо наставление, он сразу отвергает его и действует напротив, ибо как ему послушаться чьего-либо совета, если он держится своей воли?

Если кто хочет истинно, всем сердцем, исполнять волю Божию, то Бог никогда его не оставит, но всячески наставит по воле Своей. Поистине, если кто направит сердце

своё по воле Божией, то Бог просветит и малое дитя сказать ему волю Свою. Если же человек не хочет искренно творить волю Божию, то пусть хоть к пророку пойдёт – и пророку положит Бог на сердце отвечать человеку сообразно с его развращённым сердцем, как говорит Писание: *если пророк допустит обольстить себя и скажет слово так, как бы Я, Господь, научил этого пророка?..* (Иез. 14, 9).

О СТРАХЕ

Есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный; один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть страх святых, пришедших в меру совершенной любви. Например, кто исполняет волю Божию по страху мук, тот ещё новоначальный, ибо он не делает добра для самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благоугодить Ему; он знает, в чём состоит существенное добро и по-

знал, что значит быть с Богом. Такой-то имеет истинную любовь, которую святой апостол называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо такой человек боится Бога и исполняет волю Божию уже не по страху наказания, уже не для того, чтобы избежать мучений, – но потому что он, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться её. И этот совершенный страх, рождающийся от такой любви, изгоняет первоначальный страх – потому-то апостол и говорит: *совершенная любовь изгоняет страх.*

Если человек уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, то он постепенно приходит и к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало-помалу начинает, как наёмник, надеяться на некоторое воздаяние за своё благое делание. Ибо, когда он постоянно будет избегать зла, как мы сказали, из страха, подобно рабу, и делать благое в надежде награды подобно наёмнику, – то, пребывая по благодати Божией во благом и соразмерно этому соединяясь

с Богом, он получает вкус благого и начинает понимать, в чём истинное добро, и уже не хочет разлучаться с ним.

О ОСУЖДЕНИИ

Нет ничего хуже осуждения. Однако и в такое великое зло человек приходит от невнимания к чему-то, казалось бы, ничтожному. Ибо когда человек позволяет себе немного понаблюдать за кем-либо, поразмышлять и порассуждать о нём, то от этого ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. И потом получается, что мы осуждаем и злословим, уничижаем ближних, и наконец впадаем и в то самое, за что осуждаем. Ибо оттого, что человек не заботится о своих грехах и не оплакивает, как сказали отцы, «своего мертвеца», не может он преуспеть ни в чём добром, но всегда обращает внимание на дела ближнего. А ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обедняет человека и не удаляет от Бога, как злословие или осуждение, или уничижение ближнего.

Одно дело злословить или порицать, другое – осуждать и иное – уничижать. Порицать – значит сказать о ком-нибудь: такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. А осуждать – значит сказать: такой-то лгун, гневлив, блудник. Грех осуждения настолько тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: *Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Лк. 6, 42), и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение – бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех. Одному Богу принадлежит власть оправдывать и осуждать, поскольку Он знает и душевное устроение каждого, и силу, и образ воспитания и дарования, и телосложение, и способности, и сообразно с этим судит каждого, как Он Сам Один знает.

Иногда же мы не только осуждаем, но и уничижаем ближнего, ибо иное, как я сказал, осуждать и иное – уничижать. Уничижение – это когда человек не только осуждает другого, но презирает его, то есть гнушается ближним и отвращается от него, как от

некоей мерзости, – это хуже осуждения и гораздо пагубнее. Хотящие же спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные – и преуспевают на пути спасения.

Бесчестья и укоризны – вот лекарства, врачующие гордость души твоей, и молись об укоряющих тебя как об истинных врачах твоей души.

Невеликое дело – не судить того или сострадать тому, кто находится в скорби и покоряется тебе; но велико – не судить того, кто тебе противоречит, не мстить ему по страсти, не соглашаться с осуждающим его и радоваться вместе с предпочтённым тебе.

О САМОУКОРЕНИИ

Причина всякого смущения есть то, что мы не укоряем самих себя. Оттого проистекает всякое расстройство, оттого мы никогда не находим покоя. Какую радость, какое спокойствие имеет тот, кто укоряет самого себя! Куда бы ни пошел укоряющий себя, какой бы ни приключился ему

вред, или бесчестие, или иная какая-либо скорбь, он уже предварительно считает себя достойным всякой скорби и никогда не смущается.

По мере того как душа творит грех, она изнемогает от него, ибо грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предаётся ему, и потому всё, что происходит с таким человеком, отягощает его. Если же человек преуспевает в добре, то по мере преуспеяния ему делается более лёгким то, что некогда было тяжело. Потому-то если мы во всём, что с нами случается, считаем виновными самих себя, а не других, то это приносит нам много добра и доставляет великое спокойствие и преуспеяние, и тем более должны мы это делать, ибо ничего не бывает с нами без Промысла Божия.

О ПОСТЕ

Мы не только в пище должны соблюдать меру, но удерживаться и от всякого другого греха, чтобы, как постимся чревом, поститься нам и языком,

удерживаясь от клеветы, от лжи, от празднословия, от уничижения, от гнева и, одним словом, от всякого греха, совершаемого языком. Также нужно поститься и глазами, то есть не смотреть на суетные или срамные вещи, не давать глазам свободы, ни на кого не смотреть бесстыдно и недобро. Также и руки, и ноги следует удерживать от всякого злого дела. Постясь таким образом, удаляясь от всякого греха, совершаемого всеми нашими чувствами, мы достигнем святого дня Воскресения.

О ЧРЕВОУГОДИИ

Есть два вида чревоугодия. Первый – когда человек ищет приятности пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного, и когда вкушает яства, которые ему нравятся, до того побеждается их приятным вкусом, что удерживает снедь во рту, долго жуёт её и, по причине приятного вкуса, не решается проглотить её. Это называется гортанобесие. Иной же хочет побольше кушаний, и он не ищет хороших и не забо-

тится о вкусе их, но хочет только много есть и не разбирает, каковы они; он заботится только о том, чтобы наполнить чрево своё – это называется чревобесие.

Итак, кто желает очиститься от грехов своих, тот должен с большим вниманием остерегаться и избегать этих видов чревоугодия, ибо ими удовлетворяется не потребность тела, но страсть, и если кто предаётся им, то это вменяется ему в грех.

О ДЕРЗОСТИ

Нет ничего вреднее дерзости; потому-то она и есть мать всех страстей, что она изгоняет благоговение, отгоняет страх Божий и рождает пренебрежение, – а оттого, что мы дерзки друг с другом и не стыдимся один другого, случается, что мы и злословим и оскорбляем друг друга. Бывает, что кто-нибудь из вас увидит что-то неполезное, – он осуждает это и влагает помысел осуждения в сердце другому брату своему, и не только сам повреждается, но вредит и брату своему, вливая в сердце его злой яд; и часто случает-

ся, что ум того брата был занят молитвою или иным добрым делом, а этот приходит и увлекает его в пустословие, и не только лишает его пользы, но и вводит в искушение – а нет ничего тяжелее, ничего пагубнее, как вредить не только себе, но и ближнему.

О ДИАВОЛЕ

Почему диавол называется не только врагом, но и противником? Врагом называется он потому, что он человеконенавистник, ненавистник добра и клеветник; противником же называется потому, что он старается препятствовать всякому доброму делу. Хочет ли кто помолиться – он противится и препятствует ему злыми воспоминаниями, пленением ума и унынием. Хочет ли кто подать милостыню – он препятствует сребролюбием и скупостью. Хочет ли кто бодрствовать – он препятствует леностью и нерадением, и так-то он сопротивляется нам во всяком деле, когда хотим сделать доброе. Поэтому он и называется не только врагом, но и противником.

О ЗЛОПАМЯТНОСТИ

дно есть злопамятность, другое гнев, иное раздражительность и иное смущение; и чтобы вы лучше поняли это, скажу вам пример. Кто разводит огонь, тот берёт сначала малый уголек – это слово брата, нанёсшего оскорбление. Вот это пока ещё только малый уголёк, ибо что такое – слово брата твоего? Если ты его потерпишь, то ты и погасил уголёк. Если же будешь думать: «Зачем он мне это сказал? А я ему скажу то и то, и если бы он не хотел оскорбить меня, он не сказал бы этого, а теперь и я непременно оскорблю его», – вот ты и подложил лучинки, подобно разводящему огонь, и произвёл дым, который есть смущение. Смущение же есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. Раздражение же есть отомстительное восстание на опечалившего, которое обращается в дерзость, как сказал блаженный авва Марк: «Злоба, питаемая помышлениями, раздражает сердце, убиваемая же молитвою и надеждою, успокаивает

его». Если бы ты перенёс малое слово брата твоего, то погасил бы, как я уже сказал, этот малый уголёк, прежде чем произошло смущение; однако же и это смущение, если хочешь, можешь легко погасить, пока оно ещё невелико, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца.

Если же ты будешь продолжать дымить, то есть раздражать и возбуждать сердце воспоминанием («зачем он мне это сказал, и я ему скажу то и то»), то от такого стечения и, так сказать, столкновения помыслов разгорается сердце и происходит воспламенение раздражительности, ибо раздражительность есть жар крови около сердца, как говорит святой Василий Великий. Вот как происходит раздражительность. Её также называют вспыльчивостью. Если хочешь, можешь погасить и её, прежде чем произойдёт гнев.

Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человеку, подкладывающему дрова на огонь и ещё более разжигающему его, отчего образуется много горящего угля, и это есть гнев. Так же сказал и авва Зосима, когда его спросили, что зна-

чит изречение «Где нет раздражительности, там безмолвствует вражда». Ибо если человек в начале смущения, когда оно начинает, как мы сказали, дымиться и выбрасывать искры, поспешит укорить себя и поклониться ближнему, прося прощения прежде, нежели разгорится раздражительность, то он сохранит мир. Также когда возгорится раздражительность, если он не замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова в огонь, и они горят, пока наконец образуется много горящего угля. И как горящий уголь, когда он угаснет и будет собран, может лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польёт его водою, он не подвергается гниению, – так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольёт крови своей.

Вот я вам показал различие: понимаете ли? Вот вы слышали, что такое начальное смущение и что раздражительность, что такое гнев и что злопамятность. Видите ли, как от нетерпения одного услышанного

слова доходят до такого зла? Ибо если бы ты сначала укорил самого себя, терпеливо перенёс слово брата твоего и не хотел бы отомстить ему за себя, и на одно слово сказать два или пять слов, и воздать злом за зло, то избавился бы от всех этих зол. Потому и говорю вам: всегда отсекайте страсти, пока они ещё малы, прежде нежели они укоренятся и укрепятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придётся вам много пострадать от них, потому что иное дело – вырвать малую былинку, и иное – искоренить большое дерево.

О ВОЗДАЯНИИ ЗЛОМ ЗА ЗЛО

Воздать злом за зло можно не только делом, но и словом, и видом. Иной думает, что он на деле не воздаёт злом за зло, но оказывается, что он, как я сказал, воздаёт словом или своим видом, поскольку случается, что кто-либо одним видом, или движением, или взглядом смущает брата своего; ибо можно и одним взглядом или телодвижением оскорбить брата своего, и это тоже

есть воздаяние злом за зло. Другой старается не мстить за зло ни делом, ни словом, ни видом, ни движением, но в сердце своём имеет неудовольствие на брата своего, и это также есть воздаяние злом за зло.

О ЛЖИ

Есть три различных вида лжи: иной лжёт мыслью, другой лжёт словом, а иной лжёт самою жизнью своею.

Мыслью лжёт тот, кто принимает за истину свои предположения, то есть пустые подозрения на ближнего: такой, когда видит, что другие беседуют, делает свои догадки и говорит: они обо мне беседуют. Если прекращают беседу, он опять предполагает, что из-за него прекратили беседу. Если кто скажет слово, то он подозревает, что оно сказано для оскорбления его. Вообще, в каждом деле он постоянно, таким образом, замечает за ближним, говоря: он из-за меня это сделал, он ради меня это сказал, он это сделал для того-то. Таковой лжёт мыслью, ибо он ничего истинного не говорит, но всё только по

подозрению, а от этого происходят любопытство, злословие, подслушивание, вражда, осуждение. Бывает, что человек предположит нечто, и это случайно оказывается истинным; а он после этого, желая, как он говорит, исправлять себя, уже постоянно за всем замечает, думая: если кто-нибудь говорит обо мне, то мне надо знать, какое моё согрешение, за которое он меня осуждает, и я буду исправляться. Во-первых, уже и начало тут от лукавого, ибо он начал ложью: не зная подлинно, придумал то, чего не знал. А как *может дерево доброе приносить плоды худые* (Мф. 7, 18)? Если же он в самом деле желает исправиться, то когда ему брат скажет: не делай этого, или: зачем ты это сделал? – он не должен смущаться, но поклониться и поблагодарить его, и тогда он исправится. Ибо если Бог увидит, что таково его произволение, то Он никогда не оставит его в заблуждении, но пошлёт кого-нибудь, могущего его исправить. А говорить: «Я верю своим догадкам для исправления себя» – и с этой целью подслушивать и любопытствовать – это есть самооправда-

ние, внушаемое диаволом, который желает строить нам козни.

Если по причине порочности нашей вселяются в нас лукавые помышления, то тотчас нужно обращать их в добрые, и они не повредят нам, ибо если верить своим догадкам, то им и конца не будет и они никогда не позволят душе быть мирною. Вот это – ложь мыслью.

А словом лжёт тот, кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: «Прости меня, что я поленился встать», но говорит: «У меня был жар, я до крайности утомился работою, не в силах был встать, был нездоров», и говорит десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться. И как всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолюбия, так и ложь бывает от этих трёх причин. Человек лжёт или для того, чтобы не укорить себя и не смириться, или для того, чтобы исполнить желание своё, или ради приобретения, и не перестаёт делать извороты и ухищряться в словах до тех пор, пока не исполнит жела-

ния своего. Такому человеку никогда не верят, но, хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры, и сама правда его оказывается невероятною.

Иногда случается такое дело, что бывает необходимость скрыть что-то, и если не скроешь, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность и видит кто-либо себя в такой нужде, то может изменить слово для того, чтобы не вышло, как я сказал, большего смущения и скорби или обиды. Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом и считать такой случай временем искушения. И на такое уклонение решаться не часто, а разве однажды из многих случаев. Ибо как бывает со слабительными: если кто часто их принимает, то они вредят; если же кто примет однажды в год по великой нужде, то они приносят ему пользу. Так следует поступать и в этом деле: кто хочет, по необходимости, изменить слово, то он должен делать это не часто, но разве в исключительном слу-

чае, однажды во много лет, когда видит, как я сказал, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение своё, и необходимость, и тогда он будет прощён, но вред он всё-таки получает. Вот мы сказали, что значит лгать мыслью и что – лгать словом. Теперь хотим сказать, что значит лгать и самою жизнью своею.

Жизнью своею лжёт тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие; или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить её, ибо если бы он говорил с такой мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и тогда уже, по сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей. И опять он не с тою целью хвалит добродетель, чтобы не соблазнять другого, ибо он должен бы был в этом случае думать так: «Поистине я окаянен и страстен, но зачем мне соблазнять других?

Зачем наносить вред душе иного и налагать на себя и другую тяжесть?» И тогда, хотя бы он в том вышеупомянутом и согрешил, однако же коснулся бы и добра, ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия. Но лжец не по какой-либо из упомянутых причин удивляется, как я сказал, добродетели, но или для того похищает имя добродетели, чтобы покрыть свой стыд, и говорит о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его. Ибо ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не могут никого обольстить иначе, как только под видом добродетели. Апостол говорит, что сам диавол преобразуется в ангела светла, потому неудивительно, что и слуги его преобразуются в служителей правды (см. 2 Кор. 11, 14-15). Так и лживый человек, или боясь стыда – чтобы не смириться, или, как мы сказали, желая обольстить кого-нибудь и повредить ему, говорит о добродетелях, и хвалит их, и удивляется им, как будто сам поступал так и знает их по опыту. Таковой лжёт самою жизнью своею; это не простой человек, но двойст-

венный, ибо один он внутри, и другой снаружи, и жизнь его двойственна и лукава. Вот мы сказали о лжи, что она от лукавого, сказали и об истине, что истина есть Бог. Итак, брат, будем избегать лжи, чтобы избавиться от участи лукавого, и постараемся усвоить себе истину, чтобы иметь единение с Богом, сказавшим: *Я есмь... истина* (Ин. 14, 6).

О САМООПРАВДАНИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Поскольку каждый из нас оправдывает себя, каждый позволяет себе ничего не соблюдать, а от ближнего требует исполнения заповеди, потому мы и не можем прийти в познание доброго, ибо, если хотя немного научимся чему-либо, тотчас и от ближнего требуем того же, укоряя его и говоря: «Он должен был это сделать, почему же он так не сделал?» Почему мы от себя не требуем исполнения заповедей и не укоряем себя в несоблюдении их?

Великий подвиг человека состоит в том, чтобы он пред лицом Божиим возлагал со-

грешение своё на себя и ожидал бы искушения до последнего издыхания.

ОБ ИСКУШЕНИЯХ И СКОРБЯХ

Мы знаем о Боге, что Он любит и щадит Своё создание, что Он есть источник премудрости и знает, как устроить всё касающееся нас, и что Ему нет ничего невозможного, но всё служит воле Его. Мы должны также знать, что всё, что Он делает, делает для нашей пользы, и должны принимать это, согласно сказанному выше, с благодарностью как от Благодетеля и Благого Владыки, хотя бы то было и скорбное. Ибо всё бывает по праведному суду, и Бог, Который столько милостив, не презирает ни малейшей нашей скорби. Но часто случается, что иной недоумевает, говоря внутренне: «Если кто в искушениях согрешит от скорби, то как может он думать, что они служат к его пользе?» Мы потому только согрешаем в искушениях, что мы нетерпеливы и не хотим перенести малой скорби или потерпеть что-ни-

будь против нашей воли, тогда как Бог ничего не попускает на нас выше силы нашей, как сказал апостол: *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил* (1 Кор. 10, 13). Но мы не имеем терпения, не хотим перенести и немногого, не стараемся принять что-либо со смирением и потому отягощаемся, и чем более стараемся избежать напастей, тем более мучаемся от них, изнемогаем и не можем от них освободиться.

Если кто перенесёт искушение с терпением и смирением, оно пройдёт без вреда для него; если же он будет малодушествовать, смущаться, обвинять каждого, то он только отягощает самого себя, навлекая на себя искушения, и не получает совершенно никакой пользы, но лишь вредит себе, тогда как искушения приносят большую пользу лишь тому, кто переносит их без смущения. Если даже и страсть тревожит нас, то мы не должны этим смущаться, ибо смущаться в то время, когда тревожит нас страсть, есть дело неразумия и гордости, и происходит оттого, что мы не знаем своего душевного устроения и избегаем труда, как сказали отцы. Потому мы и не

преуспеваем, что не знаем меры нашей и не имеем терпения в начинаемых нами делах, но без труда хотим приобрести добродетель. Ибо чему удивляется страстный, когда его тревожит страсть? Зачем смущается? Ты образовал её, имеешь её в себе – и смущаешься? Принял залоги её – и говоришь: зачем она тревожит меня? Лучше терпи, подвизайся и моли Бога, ибо невозможно, чтобы тот, кто исполнял страсти, не имел от них скорби.

Кто совершит дело, угодное Богу, того непременно постигнет искушение, ибо всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение, да и то, что делается ради Бога, не может быть твёрдым, если не будет испытано искушением.

Скорби привлекают к душе милость Божию, подобно тому как ветры наносят дождь. И как продолжительный дождь, действуя на нежное растение, производит в нем гниение и портит плод его, а ветры постепенно осушают и укрепляют его, так бывает и с душою: нерадение, беспечность и покой расслабляют и рассеивают её, искушения же, напротив, скрепляют и соединяют с Богом, как говорит

пророк: *Господи! на Тебя уповаем мы... будь спасением нашим во время тесное* (Ис. 33, 2). Потому-то, как мы сказали, нам не нужно ни смущаться, ни унывать в искушениях, но надо терпеть и благодарить в скорбях и всегда молиться Богу со смирением, чтобы Он сотворил милость с немощью нашею и покрыл нас от всякого искушения во славу Его.

О ПРОМЫСЛЕ БОЖИЕМ

Добро ли нам кто-нибудь сделает или злое потерпим от кого-либо, мы должны взирать на небеса и благодарить Бога за всё, случающееся с нами, всегда укоряя самих себя и говоря, как сказали отцы, что если случится с нами нечто доброе, то это дело Божия Промысла, а если злое, то это за грехи ваши. Ибо поистине всё, что мы ни терпим, терпим за грехи наши.

Никому не нужно скорбеть о случающемся, но всё возлагать на Промысл Божий и успокаиваться. Есть некоторые люди, до того изнемогающие при случающихся скорбях, что они отказываются и от самой жизни

и считают сладкою смерть, лишь бы только избавиться от скорбей; но это происходит от малодушия и от многого неразумия, ибо таковые не знают той страшной нужды, которая встречает нас по исходе души из тела.

Мы не знаем путей Промысла Божия, и потому должны предоставлять Ему устраивать всё, касающееся нас. Ибо если ты захочешь по человеческим мыслям судить о случающемся вместо того, чтобы возлагать всю печаль свою на Бога, то такие помыслы лишь утрудят тебя, ибо Промысл Божий делает многое сверх нашего соображения и надежды. И иногда предполагаемое нами на опыте бывает иначе, и одним словом: во время искушения нужно иметь долготерпение и молиться, а не полагать, что можно человеческими помыслами преодолеть помыслы бесовские. Зная это, авва Пимен сказал, что изречение, повелевающее не заботиться о завтрашнем дне (см. Мф. 6, 34), относится к человеку, находящемуся в искушении.

Мы вредим сами себе, не разумея, что Промыслом Божиим всё устраивается на пользу каждого.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМ ДУШИ

по творениям
преподобного Аввы Дорофея

———

Составлено по изданию:

Авва Дорофей, прп. Душеполезные поучения.
М.: Московское Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры, 2000.

Составитель: Чунтонов Д. С.

Издательство: Православное братство
св. апостола Иоанна Богослова
129327, Москва, ул. Коминтерна, д. 20/2
E-mail: bratstvo-ioanna@mail.ru
Тел.: (495)730-57-17, (499)184-31-92

Подписано в печать 08.10.2010. Бумага офсетная.
Формат 70x90/32. Печать офсетная. Печ. л. 2.
Тираж 5000 экз. Заказ № 55

Отпечатано в Патриаршем издательско-полиграфическом
центре Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
141300, Московская область, г. Сергиев Посад,
Свято-Троицкая Сергиева Лавра



Духовная библиотека